

Е.С. Переломова

Сумской государственной университет, д. филол. н., доц.

ФЕНОМЕН ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются истоки возникновения и развития интертекстуальности как феномена культурного дискурса, а также проблемы терминологии в формировании теории интертекстуальности.

Ключевые слова: текст, интертекстуальность, культура, социокультура, формализация.

О.С. Переломова

ФЕНОМЕН ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТІ В СТРУКТУРІ КУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСУ

У статті розглядаються витoki виникнення і розвитку інтертекстуальності як феномену культурного дискурсу, а також проблеми термінології у формуванні теорії інтертекстуальності.

Ключові слова: текст, інтертекстуальність, культура, соціокультура, формалізація.

E. Perelomova

THE PHENOMENON OF INTERTEKSTUALITY IN STRUCTURE OF CULTURAL DISKURS

The article focuses on the sources of origin and development of intertextuality as a phenomenon of cultural discourse, and the problems of terminology in the formation of intertextuality theory as well.

Keywords: tekst, intertekstuality, culture, sociokulture, formalization.

Концепция интертекстуальности связана с фундаментальной идеей неоклассической философии об активной роли социокультурной среды в процессе смыслопонимания и смыслопороджения.

Явление интертекстуальности было предметом научных интересов многих ученых еще задолго до появления терминов «интертекст» и «интертекстуальность». Истоки формирования самого понятия интертекстуальности следует искать в теоретических языковедческих и литературоведческих работах 1920-х годов В. Виноградова, Ю. Тынянова, В. Жирмунского, Б. Эйхенбаума, В. Шкловского, Б. Томашевского и др. выдающиеся филологи XIX и XX вв. (А. Веселовский, А. Потебня, Р. Якобсон, Л. Якубинский и др.) в своих научных работах высказали ряд идей, которые помогли в дальнейшем развитии современной теории интертекстуальности.

Первые работы, в которых конкретно затрагивались проблемы выхода за пределы текста, принадлежат М. Бахтину. Он разделял отдельные взгляды русских формалистов, хотя во многом с ними не соглашался. В исследовании «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924) автор начал полемику с русским формализмом, утверждая сформулированную им концепцию диалогичности, которую он считал важным элементом любого дискурса. В работе «Проблемы творчества Достоевского» (1929) М. Бахтин утверждает, что предметом лингвистики и поэтики должны стать взаимное языковое влияние, коммуникация и разные формы диалога. В частности М. Бахтин писал: «В монологическом мире – *tertium non datur*: мнение либо утверждается, либо отрицается, либо просто перестает быть полноценным мнением. Художественное изображение идеи возможно лишь там, где она становится по ту сторону утверждения или возражения. В монологическом мире такая постановка идеи невозможна: она противоречит основным принципам этого мира»[1, с. 9–179].

Идеи М. Бахтина о «чужом слове» и диалогичности послужили отправным пунктом для построения современной теории межтекстовых связей, под влиянием которых французская исследовательница семиотики Ю. Кристева ввела в научный обиход понятие *интертекст*.

Термин «интертекстуальность» был впервые употреблен Ю. Кристевой в 1966 году в докладе о творчестве М. Бахтина, произнесенном на семинаре Р. Барта и опубликованном в 1967 году в статье «Бахтин: слово, диалог и роман», где она дает анализ концепции «полифонического романа» М. Бахтина. Диалог между текстами она называет текстовой интеракцией в пределах одного текста. Термин, введенный Кристевой для обозначения спектра межтекстовых связей, постулирует, что любой текст всегда является составной частью широкого культурного текста: «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывания и трансформация какого-либо другого текста. Тем самым вместо понятия интересубъективности возникает понятие интертекстуальности» [2, с. 167].

Французская исследовательница Н. Пьеге-Гро отмечает, что появление самого термина «интертекстуальность» сначала воспринималось как неологизм, всего лишь современное слово, которым по-новому называлась вполне традиционная теория источников. И все же цель интертекстуальности заключалась не в том, чтобы подменить собой теорию источников, а в том, чтобы «предложить новый способ прочтения и толкования текстов» и «отделиться от идеи филиации и литературной традиции» [3, с. 43, с. 63]. Раскрытие генеалогии интертекстуальности, по мнению автора, – это показ борьбы с предыдущими традиционными представлениями о тексте, стремление к теоретическому осмыслению интертекстовой практики, которая существовала задолго до появления термина на ее обозначения.

Интертекстовая концепция Ю. Кристевой, которая развивала и интерпретировала идеи русского мыслителя, была поддержана и оригинально развита Р. Бартом в работах «S / Z» (1970), «От произведения к тексту» (1971), «Текст (теория текста)» (1973), «Удовольствие от текста» (1973). Осмысление и переосмысление бахтинского диалогизма осуществлялось Ю. Кристевой в свете постструктуралистской «философии множественности» (Ж. Деррида, Ж. Делез).

Термин «интертекстуальность» быстро получил распространение также в литературной критике. Интертекстуальность – это двойная игра: предоставление нового статуса усвоенным фрагментам (интертекстам); выстраивает новые тексты на руинах старых. Кристева называет литературу такого типа «параграмматическим письмом». Она ссылается здесь на термины, введенные де Соссюром при анализе латинской поэзии: анаграммы – это тексты, за которыми кроются другие тексты, всячески обозначенные в конструкции главного текста. Применяя вслед за де Соссюром термин «параграмма», исследовательница показывает, как в языковой и семиотической ткани произведения заметна другая организация: оспариваемая, отвергнутая, пародированная.

В работе «Революция поэтического языка» (1974) Ю. Кристева отмечает, что интертекстуальность – это не подражание и не воспроизведение, а транспозиция. Во избежание совпадения интертекстуальности с «критикой источников», автор отказывается от термина «интертекстуальность» в пользу транспозиции: «Термин *интертекстуальность* означает перемещение одной системы или многих систем знаков в другую систему; но поскольку этот термин слишком часто употребляли в банальном смысле «критики источников» определенного текста, то лучше будем пользоваться другим термином – транспозиция (перемещение), который тем лучше, что он уточняет – переход от одной означающей системы к другой и требует нового выражения интеллектуального содержания, требует позиционного признака высказывания и преференциального» [4, р. 59].

Концепция Ю. Кристевой и сам термин получили распространение в трудах многих американских, немецких и французских ученых. Однако конкретное их наполнение

оказалось очень разнообразным зависимости от философских, научных и методологических основ каждого автора.

Теория интертекстуальности была сформулирована М. Бахтиным, Ю. Кристевой, Р. Бартом как продолжение работы над концепцией «наднационального» характера мировой литературы, ее общечеловеческого значения американских литературоведов Р. Веллека и А. Уоррена. Р. Барт дал классическое определение интертекстуальности: «Каждый текст является интертекстом, другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее знакомых формах: текстах предыдущей культуры и текстах сегодняшней культуры. Каждый текст – это новая ткань, сотканная из старых цитат. Как необходимое условие для любого текста, интертекстуальность не может сводиться к проблеме источников и влияний; она – общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно выяснить, подсознательных или автоматических цитаций, подаваемых без кавычек» [5, с. 417].

Сегодня понятие интертекстуальности является общеупотребительным для текстологической теории постмодернизма и интересует не только специалистов по лингвистической поэтике, но и представителей многих других лингвистических и культурологических наук. Эстетику постмодерна называют эстетикой кавычек, которые существуют не графически в тексте, а в подсознании читателя. Смысл текста можно понимать, лишь приняв во внимание весь дискурс, в который помещен этот текст, выйдя на простор его семиотической среды. По мнению Б. Морриссетта, смысл возникает исключительно только как результат связывания между собой семантических векторов, выходящих в широкий культурный контекст, который является относительно любого текста внешней семиотической средой. Ж. Женетт, существенно переосмыслил понятие *палимпсеста* как базового понятия постмодернистской концепции интертекстуальности. М. Фуко утверждает, что носитель культуры имеет дело с неразборчивыми, полустершимися, многократно переписанными пергаменами. Цитата в постмодернизме перестает пониматься как текстовый фрагмент, изъятый из одного контекста и помещенный в другой. Она становится заимствованием культурно-стилистического кода одного текста другим.

В работе «*Le plaisir du texte*» Р. Барт высказал мысль, которую польская исследовательница З. Митосек привлекает к размышлениям о сущности интертекста: «Сущность интертекст – это невозможность существования вне бесконечного текста, будь то Пруст, ежедневная газета или телевизионный экран. Барт, Дюше, Амон, Гривель, Миттеран показали, как следует доискиваться интертекстуальности на самом низком уровне художественного высказывания, на уровне социальных стилей речи, клише и стереотипов [6, с. 349]. Итак, текст несет в себе не только следы однородной текстовой семиосферы, но и других текстовых семиосфер – живописи, музыки, скульптуры, телеискусства и др. Но одновременно происходит, как отмечает Ю. Лотман], процесс разрушения текстов и их интерсемиотичне превращение в материал для создания новых текстов – интертекстовых римейков.

В новейшую эпоху информационных технологий актуальна также проблема соотношения понятий «интертекст» и «гипертекст». По мнению Дж. Ландоу (1992), постструктуралистские определения идеального текста как «между-текста» относительно остального текста подготовили появление самого понятия «гипертекст». Поэтому неудивительно, что термин «гипертекст» появился почти одновременно с термином «интертекстуальность». Как понятие его терминологизировали Т. Нельсон и Д. Энгельгардт в 1967 году. Полагаясь на Ландоу, гипертекст стали понимать как текст, фрагменты которого имеют определенную систему выявленных связей с другими текстами и предлагают читателю различные «пути» прочтения. Таким образом, каждый текст является включенным во всю систему созданных до него или параллельно с ним текстов, приобретая визуальную многомерность, он становится «мультисеквенционным», таким, который можно читать в любой последовательности.

Что касается художественных текстов, которые являются предметом нашего внимания, нельзя не согласиться с мнением Н. Фатеевой, что «при создании художественных текстов» гипертекстуальность <...> позволяет работать только в локальном контексте, где многочисленные связи еще видимы и воспринимаемы, но лишает возможности целостного существования большой формы как в прозе, так и в поэзии. Парадоксальным образом экспликация связей между текстами не усиливает его «полифоничность», а лишь делает явным, что вновь созданный текст вращается вокруг очень ограниченного и замкнутого круга текстов, на которые он ссылается» [7, с. 11]. В художественном тексте обязательно должна быть авторская «центрация» смысла, тогда трансформация и ассимиляция многих текстов осуществляется «центрирующим текстом, который сохраняет за собой лидерство смысла» [8, р. 262].

В последнее время интерес к контактам между текстами растет. Наиболее концептуально подходят к этой проблеме во Франции, Чехии, Польше, но соответствующие исследования все же основаны на трудах М. Бахтина. Цв. Тодоров предлагает говорить не о генезисе, возникновении текстов с чего-то нетекстового, а только о переработке одних текстов в другие. Само понятие текста охватывает здесь много различных явлений, обобщенных Р. Бартом и Ю. Кристевой в понятия интертекста и интертекстуальности.

Но рассмотрение всякого текста как интертекста, а интертекстуальности как сущности художественной коммуникации несколько размывает берега понятий текста и интертекста, нивелирует их самоценность, что лишает возможности выявить различные типологические формы интертекстуальности. Более узкий подход к пониманию интертекстуальности предлагает под интертекстуальностью понимать такие диалогические отношения, когда один текст содержит конкретные и явные отсылки к предыдущим текстам. При этом не только автор намеренно и сознательно включает в свой текст фрагменты других текстов, но и адресат правильно определяет авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Такая трактовка интертекстуальности получила реализацию в исследованиях Н. Кузьминой, Н. Фатеевой, В. Чернявской и др.

Итак, становится очевидным, что при определении интертекстуальности возникают трудности, которые очерчивают проблематичность границ этого понятия. Проблема определения понятия еще более усложняется, если рассматривать интертекстуальность не как феномен письма, а как продукт чтения. Отвечая на вопрос, что такое интертекстуальность, Н. Пьеге-Гро отмечает: «Мы не ставим себе цель ни снять это двойное напряжение, ни предложить некое догматическое определение интертекстовых практик. Речь, напротив, пойдет о том, чтобы показать их многочисленные и плодотворные возможности, а также объяснить, как не только генезис этого понятия, но и теория текста, которая вытекает из него, позволяют пролить свет на различные подходы, предметом которых оно становилось» [3, с. 62].

Таким образом, исследования проблемы продолжаются и, очевидно, еще рано ставить точку в окончательном определении понятия интертекстуальности в полном его объеме. Исходным принципом нашего подхода является рассмотрение интертекстуальности с позиций лингвистической теории текста. При этом мы принимаем во внимание достижения в изучении этого феномена других отраслей антропоориентированной науки: литературоведения, когнитологии, философии, психологии, потому что в центре исследуемой проблемы этих отраслей так же, как и лингвистики, есть человек – продуцент, хранитель, преобразователь, транслятор текста и субъект, порождающий интертекстуальность во всех ее проявлениях.

Перечень ссылок

1. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского (Часть I). Год (1929) Киев, Next, 1994, С. 9–179. Режим доступа http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0410.shtm

2. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Кристева Ю. [пер. с фр.]. – М. : РОССПЕН, 2004. – 656 с.
3. Пьеге-Гро Натали. Введение в теорию интертекстуальности / Пьеге-Гро Натали; [пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова]. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
4. Kristeva J. La revolution du langage poetique / J. Kristeva // L'Avant-garde a la fin du XIX siecle : Lautreamont et Mallarme. – Seuil; Paris, 1974. – P. 59 – 60, P. 340.
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Ролан Барт; [пер с фр.]. – М. : Прогресс, 1989. – 615 с.
6. Мітосек Зофія. Теорія літературних досліджень / Мітосек Зофія; перекл. з польськ. Віктор Гуменюк; [наук. ред. В. І. Іванюк]. – Сімферополь : Таврія, 2005. – 408 с.
7. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов : контрапункт интертекстуальности / Фатеева Н. А. [изд 3-е, стереотип.]. – М. : КомКнига, 2007. – 280 с.
8. Jenny L. La strategie de la forme / L. Jenny // Poetique. – 1976. –№ 27. – P. 262.